

Дубовецкая Екатерина Леонидовна

соискатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

г. Москва

DOI 10.31483/r-105446

ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМИСТОВ В АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЕГИПЕТ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

***Аннотация:** в статье описан процесс реструктуризации египетского политического поля в контексте противостояния представителей военной элиты и религиозных политических движений в Египте накануне и после событий Арабской весны. Проанализированы данные социологических опросов, проведенных центром Arab Barometer, об отношении граждан к исламистским партиям и религиозным лидерам в БВСА. В результате сравнительного анализа данных за 2012–2014 года с данными, полученными в 2018–2019 годах, сделаны выводы о снижении уровня доверия населения региона к исламистам и снижении уровня религиозности в целом. В результате проведенного исторического анализа названы повлиявшие на данный процесс причины, в том числе неудачные реформы исламистов и подъем экстремистского движения.*

***Ключевые слова:** исламская оппозиция, Арабская весна, политические партии, религиозные лидеры, Ближний Восток, Северная Африка.*

Традиционное противостояние представителей военной элиты и исламистов накалялось и достигло наивысшей точки своего развития в постреволюционном Египте, когда представитель «Братьев-мусульман» (здесь и далее: Ассоциация «Братья-мусульмане») запрещена в РФ решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 ГКПИ 03 116) впервые смог получить верховную власть в стране, но уже через год ее потерял. Такая быстрая реструктуризация политического поля, когда вслед за «самой демократичной» Конституцией

2011 года принимается так называемая «исламистская» Конституция 2012 года, ставит вопрос об отношении простых граждан, далеких от политики, к двум основным претендентам на роль лидера: исламистам и военным. Именно поэтому вопрос о динамике изменений отношения египтян к исламистским партиям и организациям важен для понимания трансформационного процесса, произошедшего в результате событий Арабской весны и последующей контрреволюции 2013 года. Данные, используемые для написания данной статьи, были получены на официальном сайте Arab Barometer. Так же автор использует публикации информационных агентств и периодических изданий.

Изучение процесса реструктуризации египетского политического поля невозможно без учета психологического и аттитюдного факторов. Уровень политической культуры египтян никак нельзя назвать высоким. Начало XXI века и распространение интернета дало возможность с любопытством поглядывать не только на соседние страны, но и на Запад. Демократические ценности становятся основной мечтой простых египтян, они начинают задумываться о том, что политическая система страны нуждается в модификации. Правительство под давлением сложной геополитической обстановки в следствие исчезновения с карты Советского Союза в конце XX века, вторжения вооруженной коалиции западных стран в Ирак в 2003 году и непрекращающегося арабо-израильского конфликта предпринимает ряд несмелых попыток изменений существующего режима путем двух конституционных референдумов 2005 и 2007 годов. Однако предпринятые шаги оказываются недостаточными, а в каком-то смысле и неудачными.

Начало революции 2011 года было положено протестным движением, которое началось 25 января. День полиции изначально был выбран интернет-активистами для организации рядового протеста против пыток, однако события, произошедшие в Тунисе 14 января, заставили молодых египтян изменить вектор протестного движения. Здесь сыграл психологический фактор – тунисская революция показала пример, на который египтяне моментально решили равняться. Бен Али был одним из самых авторитарных лидеров региона, и его свержение помогло египтянам поверить в свои силы. Конечно, революция в Тунисе не стала

прямой причиной событий Арабской весны в соседнем Египте, однако она, вне всякого сомнения, ускорила мобилизацию протестующих и подтолкнула их к более решительным действиям.

Как вспоминают участники этих событий, площадь Тахрир стала символом борьбы и защиты своих интересов. На забаррикадированном участке земли люди начали обмениваться своим мнением и открыто критиковать власть. На площади Тахрир возникали самодельные трибуны, где любой мог стать оратором. Юсеф Аль-Шазли, доктор политических наук из университета Лозанны, вспоминает, как с каждой трибуны доносились пламенные речи, а с некоторых и религиозные песни [8, с. 861]. Исследователю удалось заметить и либерально настроенных активистов, критикующих исламистов.

«Братья-мусульмане», несмотря на некоторую растерянность в начале революционных действий, вскоре стали принимать в них активное участие. Тем не менее, это отсутствие спешки и время, которое исламисты потратили на то, чтобы дать оценку происходящему, позволяют нам сделать вывод о том, что Арабская весна началась без их руководства.

Главным результатом событий января–февраля 2011 года стала реструктуризация политического пространства, ведь после ухода Мубарака образовался политический вакуум. Бывшая правящая партия была реорганизована, но на ее руинах уже строились новые партии, жизненно важной целью которых было отмежевание от свергнутого президента. Раннее запрещенные «Братья-мусульмане» выходят из тени. На роль политического актора начинают претендовать не имеющие никакого политического опыта движения.

Хотя в хаосе революции смешались представители всех сил – националисты, правые, либералы, социалисты и исламисты [1, с. 850] – вопрос об отношении египтян к представителям религиозных партий вызывает наибольший интерес, потому что в результате первых президентских выборов после Арабской весны победил именно представитель политического крыла «Братьев-мусульман» – Мухаммед Мурси.

Что касается новых исламистских партий, то они образовались на основе движений, не имеющих реального политического опыта и ранее практически не проявлявших себя в политике [2, с. 124]. Тем неожиданной стал их успех на парламентских выборах 2011–2012 гг., результаты которых показали, что исламистские партии имеют гораздо более сильную поддержку, чем их светские коллеги. На втором месте по количеству набранных голосов оказалась молодая салафитская партия «Ан-Нур», уступив первенство политическому крылу АБМ – Партии свободы и справедливости. Среди других исламских партий, зарегистрированных в 2011 году, можно назвать партию Революционного Египта, Исламскую партию труда Египта (Социалистическую партию труда), и Партию Египетской революции [5]. Эти партии объединяло противопоставление себя АБМ, и среди современных исследователей их часто обобщают понятием «салафитские» партии. Парадокс заключается в том, что салафитами принято считать ряд религиозных деятелей (речь идет о Сайиде Кутбе, аш-Шафии, Ибн Ханбале, Шейхе аль-ислам Ибн Таймии и др.), чьи идеи были заложены в основу идеологии АБМ. Однако, сама АБМ со временем отказалась от радикальных методов ведения борьбы, став более умеренной и готовой к компромиссу. Таким образом, получается, что новые исламские партии идеологически ближе к Братьям-мусульманам двадцатого века, чем к их современному варианту. Об этом парадоксе пишут как современные, так и зарубежные исследователи. Например, по выражению Царегородцевой И. А. «новые партии в итоге оказались по разные стороны баррикад с партиями старыми» [2, с. 124]. Последователи салафитского учения изначально в известной степени более радикальны, что нашло отражение в призывах к агрессивной политике [2, с. 126]. Более подробно об этом «противостоянии» пишет Лоренс Дешам-Ляпорт в статье «От мечети к избирательным участкам: появление партии Аль-Нур в Египте после арабской весны». Как отмечает исследователь, «несмотря на то, что в Египте после Мубарака можно было бы ожидать сотрудничества между салафитами и Братьями-мусульманами, Аль-

Нур, например, часто публично выступала против Партии свободы и справедливости и объединяла силы с либеральными партиями» [6, с. 4] [*здесь и далее перевод авт.*].

Создание аполитичными последователями салафизма своей политической партии позволяет нам говорить о всплеске политической активности и росту популярности исламистов в 2011 году. Однако правление Мухаммеда Мурси оказалось крайне неудачным. Разочарованные «исламистской конституцией» египтяне начали выходить на акции протеста и требовать возвращения секулярного правительства.

Обратимся к статистике. Arab Barometer в 2019 году опубликовал данные опроса, проведенного в ряде стран региона БВСА (Ближний Восток и Северная Африка). Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, в результате чего были получены данные по следующим переменным: доверие к исламистским партиям, доверие к религиозным лидерам. Также была выявлена доля граждан, считающих себя нерелигиозными, и доля мусульман, заявивших, что они периодически посещают мечеть.

Подобный опрос проводился сотрудниками Arab Barometer в период с 2012 по 2014 год и с 2018 по 2019 год, после чего появилась возможность провести сравнение между данными за указанные временные промежутки. В результате были получены следующие выводы: во всем регионе доля граждан, доверяющих политическим партиям с религиозным уклоном снизилась более чем на треть с 2011 года. Снижение уровня доверия зафиксировано и по отношению к религиозным лидерам. Если в 2013 году около 51% респондентов ответили, что доверяют религиозным лидерам в своей стране в «большой» или «средней» степени, то в 2018 году их число снизилось до 40% [4]. Примечательно, что данное снижение не так значительно, как снижение доверия к исламистским партиям. Свою точку зрения на причины подобной диспропорции выразил Майкл Роббинс, директор Arab Barometer. По мнению эксперта, пришедшие к власти в Египте исламистские партии изначально не пользовались широкой поддержкой населения. Правительство Мурси предложило конституцию, которая в большей

степени основывалась на исламском праве, и это было сделано без учета мнения светских сил. Как следствие, египтяне отвергли узкую ориентацию на интересы религиозной базы Партии свободы и справедливости и выступили против «Братьев-мусульман» [7]. Что касается исламистских партий в целом, уровень доверия к ним опустился с 35% в 2013 году до 20% в 2018 году [4]. Похожая тенденция наблюдается и при оценке влияния, которое должны оказывать на принятие государственных решений религиозные лидеры. Майкл Роббинс отмечает, что «государственные религиозные деятели часто воспринимаются как кооптированные режимом, из-за чего граждане вряд ли им доверяют» [4].

В другом исследовании, проведенном Абдул-Вахабом Каяли, отмечается следующее: «одним из самых загадочных аспектов современной арабской политики является низкий уровень доверия к институционализированным политическим агентам. В то время как средний уровень доверия арабских граждан к аппарату безопасности, вооруженным силам и судебной системе относительно высок, доверие к правительству/кабинету министров и местным органам власти снижается. Самым низким уровнем доверия отмечены исламистские движения и партии, парламент и политические партии» [3]. Таким образом, низкий уровень доверия египтян к религиозным партиям накладывается на общий уровень недоверия к партиям как к политическим институтам.

Отдельно хочется отметить, что по данным 2018 года пятая часть молодого населения Египта относят себя к категории «нерелигиозных» граждан [4]. В период с 2012 по 2014 год данный показатель был значительно ниже.

Другой причиной негативного восприятия партий, которые берут на себя знамя ислама, стал подъем Исламского государства (Международная организация «Исламское государство» запрещена в РФ и признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 №АКПИ14-1424С). Исламистские движения в БВСА, в частности, «Братья-мусульмане», имеют мало общего с экстремистской организацией, однако на уровне обыден-

ного восприятия между ними просматривается связь. Это может служить дополнительным фактором, снижающим уровень доверия египтян к религиозным партиям.

Отсюда следует вывод, что образовавшаяся в результате свержения Мубарака политическая лакуна была успешно заполнена исламистами лишь на непродолжительный период времени. Разочаровавшись шагами по модификации политической системы, предпринятыми исламистами, египтяне обратили свой взор к более привычным акторам политического процесса, а именно, к секулярным партиям, лидирующие позиции среди которых занимает партия, созданная и поддерживаемая военной элитой.

Таким образом, военные вернули себе власть благодаря снижению популярности религиозных партий и уровню религиозности в целом. Если руководствоваться данными за 2019 год, то действующему президенту Египта, Абдул-Фаттаху Ас-Сиси, несмотря на периодически вспыхивающие очаги протестов, египтяне симпатизируют больше, чем представителям религиозных движений. Что касается наиболее организованной исламской оппозиции в лице Ассоциации «Братьев-мусульман», то в декабре 2013 года она была запрещена и признана террористической организацией [1, с. 75].

Список литературы

1. Орехов А.А. Идеологические поиски и структурная реорганизация в египетской Ассоциации «Братья-мусульмане» в 2013–2018 гг. / А.А. Орехов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – №2. – С. 74–84.
2. Царегородцева И.А. Исламисты в политике Египта и Туниса после Арабской весны // Islamology. – Т. 7 №1. – М., 2017. – С. 122–137.
3. Abdul-Wahab Kayyali Arab Political Parties and the Dual Challenge of Trust // Arab Barometer, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arabbarometer.org/2020/05/arab-political-parties-and-the-dual-challenge-of-trust/> (дата обращения: 10.02.2023).

4. Arabs are losing faith in religious parties and leaders // The Economist, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economist.com/graphic-detail/2019/12/05/arabs-are-losing-faith-in-religious-parties-and-leaders?fbclid=IwAR30Wut0Fm7cRGCURTWg_xwiYk1oXJGIVci9WG9n6GjJYUs_sLOqAgVTsfoI (дата обращения: 10.02.2023).

5. Khaled Fouad Militarization of Political Parties in Egypt. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.eipss-eg.org/militarization-of-political-parties-in-egypt/> (дата обращения: 12.12.2021).

6. Laurence Deschamps-Laporte From the Mosque to the Polls: The Emergence of the Al Nour Party in Post-Arab Spring Egypt // Brismes New Middle Eastern Studies. – 2014. – №4. – С. 4. – DOI: 10.29311/nmes.v4i0.2640

7. Naman Karl-Thomas Habtom Is the MENA Region Becoming Less Religious? An Interview with Michael Robbins // Arab Barometer, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arabbarometer.org/2020/04/is-the-mena-region-becoming-less-religious-an-interview-with-michael-robbins/> (дата обращения: 10.02.2023).

8. Youssef El Chazli Sur les sentiers de la révolution: Comment des Égyptiens dépolitisés sont-ils devenus révolutionnaires? // Revue française de science politique. – 2012. – Vol. 62. №5–6. – С. 843–866. – ISSN 0035-2950.